

Читайте романы
Валерии Вербиной
в серии «Его величество случай»:

Сериал «Амалия –
секретный
агент императора»:

Отравленная маска
В поисках Леонардо
Леди и одинокий стрелок
Ледяной сфинкс
Письма императора
Путешественник из ниоткуда
Ход Снежной королевы
На службе Его величества
Похититель звезд
Ветреное сердце Femme Fatale
Званый ужин в английском стиле
Заблудившаяся муза
Сапфировая королева
Миллион в воздухе
Золотая всадница
Одна ночь в Венеции
Девушка с синими гортензиями
Аквамаринное танго
Черная невеста

Любовно-исторические:

Рыцарь темного солнца
Принцесса морей
Синее на золотом
Замок четырех ветров

Сериал «Адъютанты
удачи»:

Адъютанты удачи
Бриллиант Фортуны
Фиалковое зелье

Любовно-
криминальные:

Черный нарцисс
Ее любили все
Самый лучший вечер
Разбитое сердце богини
Сиреневый ветер Парижа
Смерть ей не к лицу
Где-то на земле есть рай
Кольцо с тайной надписью

Валерия
ВЕРБИНИНА

**Замок
четырёх ветров**

Москва

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В31

Оформление серии Н. Никоновой

Вербинина, Валерия.
В31   Замок четырех ветров : [роман] / Валерия
Вербинина. — Москва : Издательство «Э»,
2016. — 384 с. — (Его величество случай)

ISBN 978-5-699-92764-7

Замок Фирвинден, принадлежащий древнему роду Рейтерн, всегда пользовался у местных жителей дурной славой. А все из-за призраков, обитающих в его стенах и не дающих покоя никому из живущих в замке. Если верить легендам, призраки являются перед большими несчастьями, и если кому-то не посчастливилось их увидеть, он вскоре умрет. Но юная Анастасия Ланина и ее отец, скромные почтовые служащие, не верили в привидения, поэтому охотно приняли приглашение пожить в замке после того, как их дом сгорел. Но они... тоже стали видеть и слышать призраков! Анастасия решила разоблачить обман, ведь она была уверена, что все потусторонние явления — просто чей-то ловкий трюк. А компанию ей составил граф Рейтерн, молодой хозяин замка, внезапно нагнавший в свое родовое гнездо...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92764-7

© Вербинина В., 2016
© Оформление. ООО
«Издательство «Э», 2016

Глава 1

Родственные узы

Мне хочется начать свой рассказ с того весеннего дня, когда я впервые приехала в Митаву. Шел одиннадцатый час утра, когда состав, пыхтя и изрыгая пар, подкатил к перрону и остановился. Со мной был только один небольшой чемодан, и, поудобнее перехватив его ручку, я двинулась к выходу из вагона.

Пассажиры, встречающие, носильщики, от услуг которых я отказалась, красно-бурое здание вокзала, и, наконец, привокзальная площадь, на которой стоят извозчики.

— Барышня! Фрейлейн! Доставлю, куда вам угодно...

Я заколебалась. Дом, в котором жила тетка, находился довольно далеко от вокзала, и извозчик бы мне не помешал.

— Сколько? — спросила я.

— Пятнадцать копеек по городу. За город — дороже...

Я посмотрела на чемодан, словно он мог помочь мне решить, брать извозчика или нет. Утром я заплатила за билет третьего класса от Риги до Митавы 44 копейки,

а ведь на билет до Риги от Двинска тоже пришлось потратиться...

— Спасибо, — сказала я наконец, — пройдусь пешком.

Шел первый месяц весны, и прекрасная погода располагала к прогулке, хотя для меня эта прогулка получилась скорее вынужденной. Дом тетки находился на Лилиенфельдской улице, и, как я поняла из ее письма, если двигаться от вокзала напрямик вдоль реки, то в конце концов как раз попадешь в нужное место. Но когда идешь по Александровскому проспекту, который переходит в Дворцовую улицу, реки за домами не видно. Сама улица упирается в Рыночную площадь, на которой в то утро царила сутолока, тянулись бесконечные возы и телеги, ходили покупатели, которые приценивались к товару и торговались на нескольких языках. Устав пробираться сквозь толпу, я свернула на Большую улицу, так как решила, что она выведет меня к реке, но она увела меня совсем в другую сторону, и вскоре я оказалась возле Яковлева канала. Канал окончательно сбил меня с толку — я подумала, что уж он-то точно должен идти к реке, но на самом деле он с ней не связан. Не меньше получаса я шла вдоль него, но, поняв, что он ведет не в город, а из города, остановилась. Чемодан за все время моих блужданий по Митаве словно стал во много раз тяжелее весом и уже порядком оттягивал руку. Не выдержав, я поставила его на землю и села на него.

Ну что мне стоило взять извозчика, в самом деле? Если бы не безденежье, которое вынуждает экономить каждый грош... ах, если бы не оно!

Время близилось к полудню, на воде канала вспыхивали золотые блики, по каналу медленно плыла лодка. В лодке сидел человек — сейчас, к стыду моему, я не вспомню ни его лица, ни примет. Приблизившись, он вынул изо рта

длинную трубку и сначала по-немецки, а затем на ломаном русском спросил, не нужна ли мне помощь.

— Я ищу Лилиенфельдскую улицу, — призналась я. Мой собеседник изумился.

— Вы совсем не там ее ищите... Смотрите, вам надо вдоль канала вон туда, — он показал рукой, куда именно, — канал приведет вас на Писарскую улицу, вы идите по ней и дальше, пока слева не увидите Зеештрассе... Озерную улицу. Справа будет рынок, слева та улица, которая вам нужна. Поворачиваете на Озерную улицу и дальше прямо, после нее и начинается Лилиенфельдская. Но лучше возьмите извозчика, — прибавил он, — все-таки вам далеко идти.

Я от души поблагодарила собеседника, встала и взяла чемодан. Теперь, когда я точно знала дорогу, блуждания по незнакомому городу уже не казались такими мучительными. Кажется, на Писарской улице я впервые обратила внимание на то, что вывесок на немецком языке было едва ли не больше, чем на русском, что неудивительно, так как Митава — главный город Курляндской губернии, долгое время тяготевшей к Германии, и половину населения в ней составляют немцы. До того как я приехала сюда, мне почему-то казалось, что в облике Митавы будет проглядывать что-то французское — недаром же в ней долго жил изгнанный французский король и выходила замуж дочь несчастной Марии Антуанетты¹. Но французского я не заметила ровным счетом ничего, и даже

---

¹ Изгнанный король — Людовик XVIII (1755–1824), которому из-за французской революции и Наполеона пришлось долго дожидаться престола, несколько лет провел в Митаве. Дочь Марии Антуанетты — Мария Тереза (1778–1851), вышедшая замуж в Митаве в 1799 году за герцога Ангудемского.

парфюмеры с парикмахерами, судя по их вывескам, были сплошь немцы. На Озерной улице я уточнила у городского, правильно ли я иду к Лилиенфельдской улице, и, услышав, что до нее осталось не так уж много, двинулась туда, где меня ждала встреча с теткой и ее семьей.

Улица, о которой идет речь, расположена на окраине города. Название ее, как я позже узнала, происходит от выражения «поле, на котором растут лилии», но если там когда-то и водились эти цветы, то от них не осталось и следа к тому моменту, когда я впервые ее увидела. Тетка жила в небольшом домике с черепичной крышей, принадлежавшем ее мужу — третьему по счету, если быть точной. Я постучала в дверь; открыла горничная.

— Я Анастасия Ланина, — сказала я. — Дарья Семеновна знает о моем приезде.

Горничная посмотрела на меня, на мой коричневый чемоданчик и снова перевела взгляд на мое лицо. Она словно колебалась, впускать меня в дом или нет, и, не стану скрывать, меня это озадачило.

— Они не ждали вас сегодня, — наконец нехотя выдавила из себя горничная. По-русски она говорила с небольшим, но все же заметным акцентом.

Она посторонилась, пропуская меня, — а потом, заперев дверь, как-то очень ловко пробралась между мной и дверью в комнаты, пока я снимала шляпку, перчатки и пальто. Горничная была раза в три шире меня, и то, как она стояла, словно загораживая от меня дверь в гостиную, мне не понравилось.

— Подождите здесь, фрейлейн, — сказала горничная.

И удалилась, плотно прикрыв за собой дверь.

Я не считала себя обидчивой (хотя кто из нас не обидчив в 17 лет?), но такое поведение меня все же задело. В голове у меня даже мелькнула мысль, что Митава, пре-

вратившаяся в лабиринт, который уводил меня далеко от цели, на самом деле жалела меня, потому что знала, какой прием мне предстоит. Впрочем, тотчас сказала я себе, все это мои фантазии, развившаяся от чтения книг привычка находить скрытые смыслы там, где их нет. Любой может заблудиться в городе, в котором он не бывал прежде, и это ровным счетом ничего не значит.

Но тут передо мной вновь возникла горничная, с поклоном выхватила у меня пальто и перчатки (шляпку я успела положить на стоявший возле меня низенький комод), очень ловко убрала их и помогла мне снять обувь, хоть я и сказала, что разуюсь сама.

— Прошу, фрейлейн... Сюда!

И я оказалась в гостиной, где стояли этажерки с какими-то фарфоровыми безделушками, на столе лежали немецкие газеты с готическим шрифтом, а с синего дивана мне навстречу поднималась тетушка Дарья Семеновна, протягивая обе руки.

— Настенька! А мы думали, ты приедешь позже... Почему ты нас не предупредила? Мы бы тебя встретили! Твой отец часто о тебе писал... Я так рада тебя видеть! Нам столько надо обсудить... Мария! Приготовь комнату для нашей гостьи...

Она тараторила без умолку, не ожидая ответа. Передо мной была дородная, энергичная дама лет 50, с темными волосами без намека на седину и румянцем во всю щеку. Если бы я не знала, что ее отец был скромным служащим министерства путей сообщения, я бы заподозрила, что он был военный не ниже полковника — настолько в его дочери ощущался командирский дух. Не прошло и минуты, как вокруг хозяйки дома все пришло в движение; казалось, еще немного, и стулья со столом, и этажерки с фарфоровыми фигурками сорвутся с места и начнут кружиться в воздухе. Горничная получила два десятка

точнейших указаний и убежала их выполнять; на ее место был вызван слуга, которому поручили передать кухарке, что обед надо готовить на троих человек, после чего началось подробное обсуждение самого обеда на немецком, которым я не владела. Наконец Дарья Семеновна утомилась и взмахом руки отпустила слугу, который с поклоном удалился.

— Вот так-то, — неизвестно к чему промолвила тетка, опускаясь на диван и пытливо глядя на меня. — Домашние дела требуют внимания, чуть зазевался и... Ты ведь любишь курицу?

Ее слова напомнили мне о том, что я проголодалась, и я ответила утвердительно; впрочем, сейчас я бы не отказалась от любой пищи.

— Придется только подождать Густава, а он будет не раньше четырех, — вздохнула тетка. — Он сейчас в Либаве, по делам... Ну, присаживайся, что же ты стоишь? Рассказывай: как Михаил, что с ним?

Михаилом звали моего отца, который приходился Дарье Семеновне двоюродным братом. Когда они еще были детьми, их родители много общались, но потом жизнь как-то незаметно развела родственников. Дарья Семеновна рано вышла замуж, но ее первый муж, как утверждали злые языки, пил больше, чем следует, и лет через пять она стала вдовой. Должно быть, она сумела учесть ошибки прошлого, потому что ее второй муж даже не приближался к выпивке. Она родила ему трех сыновей и, судя по всему, была вполне счастлива, но счастьем пришел конец, когда супруг погиб в результате несчастного случая. После этого Дарья Семеновна посвятила себя детям. Время идет быстро: не успеешь опомниться, как старший сын уже женат, средний поступает на службу в губернское правление, а младший отправляется учиться в университет. И вот тут-то на

ее пути и возник Густав Эссен, солидный торговец из Митава, которого ветры судьбы занесли в Орловскую губернию — занесли, судя по всему, лишь для того, чтобы он увидел румянец Дарьи Семеновны, ее пышный стан, услышал ее громкий голос и влюбился, хотя ему было уже сорок с лишком лет.

— Замуж в третий раз — да ни за что! — помнится, написала Дарья Семеновна моему отцу.

Однако, как истинная женщина, слова не сдержала: обвенчалась со своим Густавом, дом оставила на среднего сына, а сама перебралась в Митаву, к мужу.

...И вот я сижу напротив нее на краешке стула, чинно сложив руки на коленях, и не знаю, что сказать.

— У отца все хорошо, — наконец промолвила я. — Он получил новое назначение...

— Куда?

— В Шёнберг.

— В Шёнберг? — изумилась моя собеседница. — Это который в Бауском уезде, что ли? Да ведь это дыра!

— Тетушка...

— Я понимаю, был бы город... Вот Орел — город! Петербург — город! — Так как она родилась в Орле, то ничего удивительного, что она ставила его перед столицей Российской империи. — Митава — город! А Шёнберг — что это такое? Неужели твой отец не мог добиться, чтобы его перевели на более приличное место?

Я закусила губу.

— Он просил, чтобы его отправили куда-нибудь подальше от Иллукста, — наконец выдавила я из себя.

— А что твоя мать? Не одумалась?

Я побагровела.

— Она... Нет.

Тут, пожалуй, стоит сказать, что мой отец, Михаил

Арсеньевич Ланин, после неоднократных попыток найти свое место в жизни поступил на службу в почтово-телеграфное ведомство. Некоторым его сотрудникам удается сделать карьеру, не покидая конторы в большом городе, но мой отец к числу этих сотрудников не принадлежал. Раз в несколько лет его переводили с места на место, и мы, его семья — мать, я и младший брат Саша, — были вынуждены следовать за ним. Не скажу, чтобы эти переезды были затруднительны или неприятны, но одним из их следствий было то, что я училась урывками и так и не смогла получить хорошего образования. Жили мы в уездных городах Смоленской губернии — в Дорогобуже, Рославле, Поречье, а еще какое-то время провели в деревне с дивным названием Блинные Кучи, где незадолго до нашего приезда открылось новое почтовое отделение. Мать, конечно, мечтала о том, чтобы отца перевели в Смоленск, откуда была родом она сама и где жила вся ее родня. Она возлагала на возвращение в город своего детства большие надежды; но к Смоленскому почтово-телеграфному округу также относятся почтовые отделения в Иллуксте и Гриве, находящиеся в Курляндии, и года два тому назад отец получил назначение в Иллукст. Хорошо помню, что, узнав об этом, моя мать не выдержала и устроила отцу то, что в романах именуется «сценой». В жизни, впрочем, никто не бил посуду, не заламывал рук и даже не особенно кричал; мою мать просто возмущало, что отец не может — «как все люди» — как-нибудь так «устроиться», чтобы получать приличное жалованье и не переезжать с места на место.

— Настеньке скоро о замужестве думать надо! А Саше — учиться! Мотаемся по губернии, как проклятые, угла своего не имеем... теперь вот Курляндия какая-то... О боже мой!

Мой отец попытался терпеливо втолковать ей, что

если он поедет в Иллукст, его повысят до помощника начальника почтовой конторы, а значит, он будет получать больше жалованья.

— А Тадышев в твои годы уже начальник конторы! — вырвалось у матери. — Да еще в Смоленске, и ему не надо скитаться по уездным городам...

Позже я не раз вспоминала эту ссору, которая стала как бы предвестием последующих событий. Конечно, мы собрались и переехали в Иллукст; хоть и уездный центр, официально он числился не городом, а всего лишь местечком. Жить там было не так уж плохо, неподалеку находился большой женский православный монастырь, мать помогала отцу разбирать письма, поступающие на почту, а потом туда пришел за каким-то заказным пакетом помещик Колесников. Обменялся с моей матерью ничего не значащими фразами, затем зашел еще раз, и еще один, а через некоторое время мать забрала Сашу и ушла из семьи.

Любое местечко являет собой пример достаточно замкнутого мира, и, разумеется, случившееся в нашей семье дало пищу для множества пересудов. И вот ведь что интересно: не был Колесников гусарским поручиком, не слыл донжуаном и вообще до поры до времени ничьих сердец не разбивал; внешности самой обыкновенной и даже по возрасту чуть старше, чем мой отец. Ничего, ну ничего в Колесникове не было такого (казалось мне), чтобы из-за него уходить из семьи. Добродушный, немножко рыхлый, с рыжеватыми усами, — одним словом, человек как человек. Захоти я на этих страницах изобразить его злодеем, посягнувшим на покой домашнего очага, мне бы пришлось прибегнуть к самым черным краскам, но изображенный ими в итоге оказался бы вовсе не тем вполне заурядным существом,

которое разрушило нашу крепкую — как я верила — семью.

На лестнице унижения много ступеней, и в той ситуации мы с отцом прошли их все: попеременно искали встреч с матерью, уговаривали ее одуматься, пытались напомнить ей, как нам было хорошо вместе... Как-то раз отец сказал мне, что жалеет о том, что он не дворянин и не может вызвать Колесникова на дуэль. Он измучился, и мне было больно глядеть на него. Поэтому я была рада, когда он завел разговор об отъезде.

— Я попрошу Ивана Яковлевича, — это был начальник почты в Иллуксте, — чтобы он похлопотал за меня... Согласен на назначение куда угодно, только подальше отсюда!

Но на тот момент свободной вакансии помощника начальника в Смоленском почтово-телеграфном округе не оказалось. Имелось одно место в соседнем Рижском почтово-телеграфном округе, к которому относится почти вся Курляндия, и потребовались дополнительные бюрократические формальности, чтобы отца в конце концов перевели туда.

О том, что в Митаве живет его двоюродная сестра, я знала уже давно, но долгое время общение нашей семьи с ней ограничивалось обменом короткими письмами два или три раза в год. Когда же стало ясно, что никакой семьи больше нет, Дарья Семеновна прислала длинное послание, в котором предлагала забрать племянников (то есть меня и Сашу) к себе. Впрочем, Саша остался с матерью, и у отца не хватило духу возражать — он знал, как мой брат к ней привязан. Я же, напротив, всегда была «папиной дочкой».

— Может быть, тебе действительно будет лучше в Митаве? — нерешительно заметил отец, прочитав вслух ту часть письма, которая касалась меня. — Губернский

город — это губернский город, а Шёнберг — всего лишь небольшое местечко.

— Но я совсем не знаю Дарью Семеновну, — сказала я. — Какая она?

— Какая? — Отец усмехнулся. — Ну, она... Мне кажется, она совсем не плохая. Впрочем, может быть, я ничего не понимаю в женщинах...

Облачко набежало на его лицо. О чем бы он ни заговаривал, он всегда рано или поздно начинал думать о той, которая променяла его на помещика с рыжими усами.

Мне не хотелось оставлять отца одного. С другой стороны, я слышала о Митаве и была не прочь съездить туда. В конце концов мы условились с отцом, что он отправится в Бауск, а я по железной дороге доберусь до Митавы, пообщаюсь с двоюродной теткой и уже на месте решу, останусь ли жить в ее доме или нет.

— Три дня тебе хватит, чтобы принять решение? Мне все равно придется задержаться в Бауске. Если решишь ехать, вышли мне телеграмму только из одного слова: «Еду». Тогда я подожду, когда ты приедешь в Бауск, и поедем в Шёнберг вместе. Если останешься в Митаве, ничего не высылай.

— А на чем мне добираться до Бауска, если я все-таки решу уехать?

Этот вопрос пришлось разъяснять дополнительно, так как между Митавой и Бауском все-таки целых 43 версты. Впрочем, выяснилось, что из Митавы в нужном мне направлении ежедневно отходят дилижансы, но поездка в один конец обойдется куда дороже железнодорожной.

Итак, из Иллукста в Двинск, дальше по железной дороге до Риги, ночь в дешевой гостинице, утренний поезд от Риги до Митавы — и вот я сижу в домике с черепичной крышей на улице с цветочным названием, где нет цветов.